

Инко вернулся домой на закате в тот понедельник совершенно измотанный, во всех

смыслах этого слова. Ее макияж был испорчен, по лицу текли пятна слез, а глаза были красными и опухшими от многочасового плача. О, и с ней вошел странный

мужчина, задыхающийся и держащийся за бок после четырехэтажного подъема по лестнице.

В то утро, после того, как Изуку ушел в школу, Инко провела утро, беспокоясь о предстоящем сеансе консультирования, отчасти взволнованная тем, что ее сын,

наконец, получит помощь и поддержку, в которых он нуждался, в основном боясь узнать, насколько сильно он в ней нуждается, узнать, насколько глубоки были его

шрамы, узнать, как сильно она подводила его все эти годы.

Когда телефонный звонок вывел Инко из тревожных размышлений, она ответила рефлекторно, не проверив удостоверение личности звонившего. Прежде чем

администратор на другом конце провода закончил рассказывать ей, что случилось с ее сыном, она уже повесила трубку, перекинула сумочку через плечо и

побежала к своей машине.

Ее телефон зазвонил снова, когда она подбежала к стойке регистрации генерала Мусутафу, но она проигнорировала его. Администратор рассказал ей ужасные

подробности: разложившиеся ткани лица и черепа, сильная кровопотеря и сильное истощение. Когда Инко спросила, как это произошло, администратор скорчила

гримасу и сказала, что они не могут ей сказать.

Как только она устроилась в приемной, Инко проверила свой телефон. Незу оставил ей сообщение, но вместо того, чтобы воспроизвести его, она перезвонила ему.

Директор взял трубку на первом звонке. — Мидория-сан, вы поняли мое сообщение?

«Я этого не сделала», — призналась она. — Что случилось?

— Вам звонили из больницы?

«Я уже там».

С другого конца повисла долгая пауза. Когда Инко задавалась вопросом, не потеряла ли она каким-то образом прием, директор сказал: «Извините за это, это

беспорядок с моей стороны. Злодеи напали на школу. Ваш сын - единственный, у кого опасные для жизни травмы. Из того, что мы узнали, он противостоял главарю

нападения, чтобы обезопасить своих одноклассников».

«Почему твои учителя не обеспечили его безопасность?» - выпалил Инко.

«Они пытались. Злодеев было более сотни, и только два учителя. Они также использовали деформирующую причуду, чтобы разделить учеников». Директор

раздраженно вздохнул. «Я не пытаюсь защитить то, что произошло. Мы накосячили. Я напутал. Эта атака в буквальном смысле возникла из ниоткуда. Теперь, когда я

знаю об этой угрозе для студентов, я приму все необходимые меры, чтобы это никогда не повторилось. В то же время, все, что я могу сделать, чтобы компенсировать

это, - это предложить лучшие реабилитационные услуги в Японии и убедиться, что ваш сын не страдает от постоянных осложнений от этого инцидента. Мы также

предоставим ему любые консультации и терапию, необходимые для того, чтобы он оправился от этого, в дополнение к другим проблемам, которые мы уже обсуждали.

Есть ли у вас какие-либо другие неотложные проблемы, которые я могу решить в настоящее время?

Инко, все еще пытаюсь осмыслить все, что только что сказал Нэдзу, мог только сказать: «Нет, спасибо, Нэдзу-сан. Я буду поддерживать связь».

«В любое время. Я послал пару учителей с Изуку, чтобы они присматривали за ним. Я был бы признателен, если бы вы воздержались от конфронтации с ними в это

время, так как они оба устали от того, что произошло».

Оглядываясь назад, можно сказать, что это была не самая мудрая идея выпить полкувшина кофе в ожидании новостей о сыне, но наличие чего-то, что можно

периодически потягивать, делало ожидание более терпимым. Между кофе и стрессом от того, что ее сын находится в коме, ее нервы были достаточно нервными,

чтобы подпрыгивать каждый раз, когда шаги пересекали дверь зала ожидания.

Когда дверь наконец открылась, она пролила брызги кофе на прилавок. Она вытерла его рукавом, даже не заметив оставленного пятна. — С ним все в порядке?

Медсестра улыбнулась ей. «Врачи говорят, что он выживет. Он сейчас спит, и ему пока нужно оставаться в изоляции, но вы можете увидеть его, если хотите».

Когда Инко пошла в комнату сына, она прошла мимо двух врачей, несущих Айзаву на носилках. Кровь испачкала его рваную одежду, а лицо было пугающе бледным.

Она остановилась, разрываясь между тем, чтобы пойти в свою комнату и проверить своего учителя.

"Он?" - спросила она.

Тонкая рука легонько коснулась ее плеча. Когда она обернулась, ее глаза встретились с грустной, сморщенной парой голубых глаз, посаженных на изможденное

лицо. «Айзава-сан в порядке, он только что потерял сознание минуту назад. У него был тяжелый день».

Инко посмотрел на незнакомца. Хотя она не поспевала за героями лично, хобби ее сына означало, что она немного знала о многих героях. Тощая фигура перед ней не

была похожа ни на одного героя, о котором она когда-либо слышала.

«Извините, я не верю, что мы встречались», — сказал Инко.

— О, точно. Яги Тошинори». Он протянул руку. — Я полагаю, ты мать Мидория-куна?

— Мидория Инко, — сказала она, взяв его за руку. Она чувствовала кости в его пальцах. Это заставило ее почувствовать беспокойство. Как такой хрупкий человек

может быть героем?

«Вы учитель в Университете Америки?»

— да, — сказал он, доставая из кармана удостоверение личности. Инко мельком взглянул на вторую карту, которую он поспешно положил обратно. На той, которую

он показал ей, было его имя и лицо.

— Чему ты учишь?

«Героика».

Яги вздрогнул, нервный жест, который заметил Инко и отложил для дальнейшего рассмотрения. — Понятно. Извините, если я скептически отношусь к этому, это

просто так...»

Широкая улыбка пересекла ухмылку Яги. «Я понял. Я точно не выхожу на публику так».

— О, ты герой подполья, как Голова-ластик?

— Да, как Голова-ластик, — повторил он, его слова были неуверенными. Он оглянулся на операционную и сказал: «Я бы не хотел, чтобы вы видели своего сына».

При напоминании внимание Инко вернулось к сыну достаточно сильно, чтобы нанести ей удар хлыстом. «Да, спасибо, не могу поверить, что забыл».

Услышав, как она произносит эти слова, услышав, как она признается, что в очередной раз подвела его, она вызвала еще один раунд рыданий. Когда ее ноги

выскользнули из-под нее, она, пошатываясь, подошла к скамейке в коридоре.

Встревоженный ее поведением, Яги подошел к ней и спросил: «Ты чувствуешь себя хорошо? Что-то не так?»

«Как я могла быть такой ужасной матерью?» — спросила она между рыданиями. «Сначала шрамы, потом это? Я должен быть рядом с ним, но я не знаю, что делать!»

Яги сел рядом с ней и похлопал ее по плечу. «С ним все будет в порядке. Врачи говорят, что он должен проснуться завтра, и тогда вы сможете быть рядом с ним».

Слишком расстроенная, чтобы думать о своих действиях, Инко обняла Яги и уткнулась лицом ему в плечо. Сначала он замер, но пока она продолжала плакать,

положил руку ей на спину и нежно похлопал.

По мере того, как шло время, Тошинори все больше нервничал из-за ощущения того, что женщина и незнакомец так тесно прижимаются к нему. В глубине души он

представил, как ее муж идет по коридору, видит их вот так и злится на него за то, что он был так близок к ней. Он хотел оттолкнуть ее или сказать, чтобы она

отступила, но, услышав ее душераздирающие рыдания, он боялся причинить ей еще большую боль.

После того, что казалось вечностью, Инко села и вытерла глаза. — Мне очень жаль, — пробормотала она. «Я не должен был, это было грубо с моей стороны, я не

знаю, что на меня нашло».

— Все в порядке, — сказал Тошинори, стараясь, чтобы на его лице не отразилось облегчение. «Я понимаю, что это нелегко для тебя».

Он увидел, как слеза катилась по ее щеке. Импульсивно он взял футболку и вытер ее. Пока Инко смотрел на него в шоке, Тошинори проклинал свои геройские

инстинкты. Всемогущий вытирал женские слезы, особенно после нападения злодея, но Яги Тошинори не имел права прикасаться к другой женщине, даже когда ее

муж мог броситься по коридору в любую минуту. Он оглянулся через плечо. Врачи и медсестры спешили мимо, но никто не смотрел.

«Извините, я не должен был...»

— Твоя футболка вся грязная, — сказал в то же время Инко.

Он посмотрел вниз. Кремовый мазок испачкал его белую футболку, где он вытер ее слезы. «Не волнуйся, я все равно собирался выбросить эту футболку». Он

показал растяжки на том месте, где порвал футболку, ударив злодея. Оглянувшись на ее лицо, Тошинори поморщился и сказал: «Я испортил твой макияж».

Инко коснулась полосатого макияжа. «Он все равно был разрушен». Она беззаботно усмехнулась и сказала: «Я должна инвестировать в водостойкий консилер».

Отчаявшись сменить тему, Тошинори спросил: «Ты чувствуешь себя готовым увидеть своего сына сейчас?»

На какое-то страшное мгновение Тошинори подумал, что она снова начнет плакать у него на плече, но Инко глубоко вздохнула и встала. «Спасибо, я думаю, что

теперь я готов». Она нерешительно посмотрела на дверь и спросила: «Не могли бы вы пойти со мной? Я не думаю, что хочу делать это в одиночку».

Тошинори оглядел коридор. Ни мужа, ни семьи, никого. Может быть, они все были заняты? Он оглянулся на Инко, который смотрел на него измученными красными

глазами, и почувствовал, как его сердце разрывается.

— Я не против, — сказал он, чувствуя себя совершенно не в своей тарелке.

Инко благодарно улыбнулась ему, открывая дверь. Когда она увидела своего сына, дышащего через маску и завернутого в бинты, она помчалась вперед. Тошинори

схватил ее за плечо.

«Врачи сказали, что мы не должны подходить к нему слишком близко».

Медсестра, которая следила за жизненно важными показателями Изуку с соседнего компьютера, некоторое время наблюдала за ними, прежде чем вернуть свое

внимание к экрану. Инко уставилась на кровать, чувствуя себя беспомощной, когда ее сын лежал бледный и неподвижный, как труп. Тишина в комнате прерывалась

медленным, слабым биением сердца Изуку на мониторе.

«Это будет продолжаться, не так ли?» — спросил Инко.

Тошинори был в растерянности. Его первым побуждением было успокоить ее, сказать ей, что быть героем не будет сопровождаться частыми поездками в больницы,

изнурительными травмами и, вполне возможно, ужасной смертью. Может быть, Всемогущий мог бы сказать это с уверенностью, но у Тошинори Яги, сморщенного,

уставшего и справляющегося с тупой, постоянной болью в пронзенной груди, не хватило сил сказать ей эту ложь.

«Это никогда не бывает легко», — сказал он, запинаясь, пытаясь сделать так, чтобы все казалось правильным, чтобы пятнадцатилетнему подростку было нормально

лежать на больничной койке, потому что в мире есть люди, достаточно больные и извращенные, чтобы это произошло. «Работа сказывается на всех. Я видел, как

герои приходят и уходят. Многие уходят после первой серьезной травмы. Может быть, это сломанная рука или отсутствующий глаз. Иногда это кто-то, кого они не

смогли спасти, или ошибка, которую они совершили, зная, что кто-то умер, потому что они были недостаточно хороши. Иногда это просто долгие часы или

постоянное давление на работе. Те, кто проталкивается через все это, те, кто продолжает спасать людей, какими бы безнадежными они ни казались, они делают

это, потому что спасение людей имеет для них огромное значение».

Глубоко вздохнув, он сказал: «Зная, что там произошло, что он сам сражался с этим человеком Сигараки, я думаю, что твой сын — один из тех, кто не сдастся, как

бы тяжело это ни было».

Тошинори оглянулась и ужаснулась пораженному, скорбному выражению ее лица. Он поспешно добавил: «Извините, хотел бы я знать, что сказать».

«Больше всего на свете, — сказала Инко, — я хочу, чтобы он был счастлив». Она вытерла

свежую порцию слез. «Когда ему поставили диагноз, я сказал ему, что он не может быть героем. Я так боялась, что ему будет больно. Он был без причуд, у него не было способа защитить себя. Так я и думал. Я – я разбил ему сердце в тот

день. Если бы я просто сказал ему, что он может, если бы я нашел ему кого-то, кто мог бы научить его, если бы я просто поддержал его, как я должен был... но

теперь, глядя на него вот так, я не знаю, смогу ли я это вынести. Я не хочу, чтобы он умер». Она посмотрела на Тошинори слезящимися глазами и спросила

истерическим голосом: «Почему он не может быть просто счастливым, как нормальный ребенок?»

Тошинори знал почему. Было время, когда он был непричудливым и наполненным жгучим желанием иметь значение, быть кем-то важным, быть героем. Он так сильно

этого хотел, что было больно, и когда Нана, наконец, дала ему силу, необходимую для того, чтобы стать этим героем, он бросился в нее.

«Потому что нет ничего хуже, чем знать, что ты не имеешь значения», — пробормотал он про себя.

«Он важен для меня!»

Тошинори нечего было сказать на это. Он едва помнил своих родителей, равнодушных, мрачных фигур в прошлом, о котором он не хотел думать в эти дни. Каждый

раз, когда он пытался представить свою мать, все, что он видел, была улыбка Наны.

Когда между ними воцарилась тишина, Инко заговорил об Изуку. Она с любовью говорила о тех днях, когда он был возбудимым малышом, который фонтанировал

героями и мечтал быть одним из них, демонстративно пропускал день постановки диагноза и спокойно, но с не меньшей гордостью говорил о тихом подростке,

который едва ли произвел фурор в школе, но обладал искусством, которое хвалил каждый его учитель. По прошествии нескольких часов она рассказала Тошинори о

его любимой еде, одежде, которую он любил носить, о каких героях он любил говорить. С немалым смущением Тошинори узнал, что Всемогуший был любимцем Изуку.

Инко резко остановился и громко зевнул. Она взглянула на свой телефон, и ее глаза расширились. «Черт возьми, я не могу поверить, что уже так поздно».

Тошинори взглянул на время и поморщился. Он пропустил свой вечерний укол питательных веществ. Может быть, в больнице была его доза под рукой.

Прежде чем он успел подумать о том, чтобы попросить добавки, медсестра, которую заменили во время смены без их ведома, подошла к ним и сказала: «Извините, но

часы посещения заканчиваются через пять минут. Я должен попросить тебя уйти».

Инко уставилась на Изуку с таким лицом, как будто собиралась возразить, но из нее вырвался еще один зевок. «Могу ли я как-нибудь остаться?»

«Если бы он был в критическом состоянии, мы могли бы это допустить, но жизненные показатели Изуку были стабильны весь день. С ним все будет в порядке, он

просто спит. Вы можете навестить его первым делом утром.

Инко балансировала на грани, и Тошинори решил дать ей последний толчок. «Для него будет лучше, если ты будешь чувствовать себя хорошо, когда ты ему

понадобиться».

На мгновение Тошинори испугался, что он надавил слишком сильно. Инко на мгновение нахмурилась, а затем кивнула. «Спасибо. Ты прав, я должен спать.

Еще один звонок проскользнул мимо нее, и она пошатнулась в сторону, прижавшись к стене. Тошинори бросился вперед, готовый поймать ее, но приступ боли с его

стороны остановил его.

— Ты будешь в порядке, вернувшись домой?

Когда он сказал это, он понял, что Инко все еще один. Ни мужа, ни семьи, ни друзей, никого. Разве больница не вызвала бы их тоже?

— Я... — зевнул другой, — не хотел бы иметь никаких неприятностей.

Это было так же хорошо, как признать, что она не может. Всемогущий слышал эту фразу слишком много раз, чтобы игнорировать ее.

«Это совсем не проблема», — сказал он с рефлекторной улыбкой. «Я был бы рад убедиться, что вы благополучно вернетесь домой».

В голове Тошинори зазвучали тревожные звоночки. Такова была линия Всемогущего. Всемогущий помогал людям все время возвращаться домой. Прямо сейчас он не

был Всемогущим, ему было неуместно провожать кого-то домой, что бы подумал ее муж?

— Ладно. Я - спасибо, вы правы, я не должен так водить машину». Ее глаза расширились. «Дерьмо, моя машина».

«Я могу водить машину, если вы не возражаете». Тошинори проклинал себя за то, что копнул глубже.

Слезы навернулись на ее глаза, и на мгновение Тошинори подумал, что зашел слишком далеко. «Извините, это мило с вашей стороны. Тебе не нужно».

«Это не проблема», — сказал Тошинори, тщетно борясь со своими геройскими инстинктами. «Я бы не чувствовал себя правильным, если бы отпустил тебя домой

одного».

Когда они покинули больницу, Инко вручила ему ключи и показала на свою машину. Он почти перешел на пассажирскую сторону, прежде чем вспомнил, что у

автомобилей в Японии руль находится справа. Его водительские права, срок действия которых

давно истек, были американскими. Он молился, чтобы его не остановили, когда он вытаскивал ржавый мини-фургон со стоянки.

Дорога была милосердно короткой, и Инко не спал достаточно, чтобы дать указания. Ее квартира находилась на четвертом этаже. Тошинори почувствовал, как его

грудь пульсирует к тому времени, когда они помирились. Его агент всегда следил за тем, чтобы у него было жилье на первом этаже. Мысль о том, чтобы оставить ее

на нижнем этаже, даже не приходила ему в голову.

Когда она отперла дверь, он с нескрываемым восхищением вошел в незнакомую квартиру. Он был очень похож на его собственный, голый и простой, но это выделяло

несколько различий. Прилавок был загроможден консервированными овощами, луком и пачками рамена быстрого приготовления. На холодильнике висел цветной

эскиз Инко, на котором она изображала полив горшечного помидора. Он остановился, чтобы полюбоваться картиной, привлеченный ее нежной улыбкой.

— Большое спасибо за это, — сказала Инко, выводя его из задумчивости.

«, это совсем не беда. Мне пора идти».

Когда он направился к двери, его больное тело выдало его. Он почувствовал, как кашель подступает к его горлу, и поспешил к двери, но прежде чем он успел

выскользнуть наружу, он вырвался из него. Кровь капала из уголка его рта и капала на линолеумный пол.

Инко увидел кровь и ахнул. «Боже мой, тебе больно! Я отвезу тебя обратно в больницу».

«Я в порядке, это просто старая травма», — поспешно сказал он. Он вытер кровь и улыбнулся. «Действительно, со мной все в порядке».

Она смотрела на него, приподняв бровь. — Ты определенно выглядишь не очень хорошо.

«Поверьте мне, я жестче, чем выгляжу».

Как бы противореча самому себе, он снова закашлялся, хотя ему удалось удержать кровь во рту.

Инко нервно оглядела свою квартиру. «Я не могу отпустить тебя домой вот так. У меня нет дивана или чего-то еще, но ты можешь взять кровать Изуку на ночь.

«Я попрошу кого-нибудь забрать меня, все в порядке».

Тошинори покопался в кармане и ничего не нашел. Паника промелькнула в нем, когда он проверил свои штаны. У него все еще были ключи, но его телефон и

кошелек давно исчезли. К нему вернулось воспоминание о том, как он проверял карманы на наличие бутылок со слизистой злодейкой, и, конечно же, это была одна и

та же пара штанов. Он мог бы поклясться, что выбросил их.

«Мне очень жаль, я, должно быть, потерял свой телефон. Ты не возражаешь, если я одолжу твою?»

— О, конечно.

Взяв его, он понял, что не знает ни одного номера своих коллег. К счастью, у Инко была контактная информация Незу. Он позвонил, молясь, чтобы его забрали.

— Инко, что-то случилось?

С немалым смущением Тошинори объяснил свое затруднительное положение. Когда он упомянул, что Инко предложил поселить его, Незу сразу сказал: «Да, отлично,

звучит хорошо. Таким образом, вы сможете отвезти ее в больницу утром и забрать Айзаву-сан. Спокойной ночи, Яги-сан.

Прежде чем Тошинори успел возразить, Нэдзу повесил трубку. Он поднес телефон к уху еще мгновение, переживая из-за того, что остался один в доме незнакомой

женщины и не может уйти. Он подумывал о том, чтобы вызвать такси, но у него не было с собой денег, и он не мог возложить бремя на скорбящую мать. К своему

стыду, он понял, что Незу и другие герои, вероятно, были слишком заняты после нападения злодея, чтобы забрать его в любом случае.

— Я, э-э, — нервно начал он, — думаю, меня не подвезут.

— Ой.

«Так что, я думаю, мне нужно место для проживания».

— Ох. Хорошо.

— О, хорошо?

— Конечно. Комната Изуку находится слева. Я только вчера постирал простыни».

— Ох. Спасибо."

Он не был готов к тому, что обнаружил, когда открыл комнату Изуку и включил свет. Плакаты Всемогущего, календарь Всемогущего, статуэтки Всемогущего все еще

в оригинальных футлярах, календарь Всемогущего, без опознавательных знаков, будильник Всемогущего, лампа Всемогущего, Всемогущий, куда бы он ни посмотрел.

Конечно, там были знаки других героев, другие статуэтки с собственной полкой, фотография «Лучшего джиниста» с автографом и рамкой и расписание

радиоведущих Present Mic, но Тошинори ловил себя на том, что смотрит на ослепительную ухмылку Всемогущего, куда бы он ни посмотрел. На стене напротив

кровати висел даже его автограф. Что-то в мятой, полубогоревшей бумаге щекотало его

память.

«Мой сын настоящий фанат», — сказал Инко с нежной улыбкой. «Он получил большинство из них самостоятельно, каким-то образом зарабатывает деньги, продавая

искусство в Интернете».

«Я - я вижу». Тошинори поморщился, глядя на простыни Всемогущего и каркас кровати Всемогущего. «Все в порядке, я бы не хотел вмешиваться. Я мог просто спать

на полу».

— Несколько минут назад ты кашлял кровью. Я не мог позволить тебе спать на полу. Что, если это сделает тебя хуже?

Мысль о том, чтобы провести ночь на полу, заставила Тошинори вздрогнуть. Его матрас был лучшим, что можно было купить за деньги, и он все еще просыпался в

агонии по утрам.

«Спасибо. Я прошу прощения за все неприятности».

Инко нервно улыбнулся. «Это совсем не проблема, это просто правильный поступок». Она указала на другую дверь и сказала: «Это моя комната. Если вам что-нибудь понадобится, пожалуйста, постучите».

Когда она повернулась, чтобы уйти, его взгляд вернулся к автографу. Он засунул руки в карманы и нащупал дыру, через которую проскользнула бутылка со

слизистой злодейкой. В его сознании промелькнуло воспоминание о мальчишке, наполовину задушенном слизью-Причудой, и его обгоревшей тетради. «Я думал, что

узнал его!»

Инко остановился в дверях. — Простите?

— Я помню это, — сказал Тошинори, указывая на автограф. «Слизняку-причуду в тот день потребовалась целая вечность, чтобы снова выследить этого парня».

Глаза Инко сузились. — Откуда ты об этом знаешь?

Тошинори поспешно перемотал разговор, молясь, чтобы случайно ничего не упустить. «Я работаю в агентстве «Всемогущий» секретарем», — сказал он, возвращаясь

к своему обычному сокрытию. «Работал над освещением в прессе в тот день».

«Хотел бы я поблагодарить его за это. Кажется, что именно в этот день Изуку стал героем. После этого он начал заниматься спортом и самостоятельно убирал целый

пляж. До сих пор кажется, что это нереально, каким-то образом, как будто это появилось из ниоткуда». Инко встряхнулась и сказала: «Я не должна так говорить. Он

упорно трудился, чтобы добиться того, чего он достиг, и я очень горжусь этим».

Уже не в первый раз Тошинори чувствовал себя виноватым из-за того, что скрывал свое альтер-эго. Часть его хотела изменить свою форму героя и сказать

скорбящей матери, что он гордится тем, как далеко продвинулся его сын, но его секрет должен быть сохранен ради всех. Он уже с этим студентом, он не мог снова.

Еще один листок бумаги, торчащий из-под ноутбука, привлек его блуждающий взгляд. На нем ярко-красными чернилами были нацарапаны цифры. Один взгляд

показал ему, что это была квитанция о банковском депозите.

Отведя глаза, Всемогущий сказал: «Я думаю, тебе следует проверить комнату, убедиться, что там нет ничего, что я должен был бы увидеть».

Инко покраснел и сказал: «Я знаю, что он подросток, но он не делает ничего подобного, клянусь».

Как бы Тошинори ни хотел посмеяться над этим, вспоминая свои дни шумным подростком, это было не то, что он пытался сказать. «Я имею в виду письменный стол. Я

думаю, что у него есть его банковский счет».

Инко проследил за его указательным пальцем и увидел квитанцию, которую Изуку оставил на своем столе. Когда она увидела остаток на его банковском счете,

который в пять раз превышал ее годовой доход, ее глаза расширились.

— Т-спасибо, что поймали это, — пробормотала она. Быстрый поиск не дал ничего необычного. «Я позволю тебе поспать сейчас, бьюсь об заклад, ты устал после

того, что произошло сегодня». Ее собственный зевок напомнил ей, что в этот момент она бежала от беспокойства, вызванного незнакомцами. — Спокойной ночи, Ягисан.

«Спокойной ночи и спасибо, господин Мидория. Я постараюсь не беспокоить тебя слишком сильно.

Тошинори, в незнакомой постели, в чужом доме впервые за десятилетия и окруженный его собственными ослепительными ухмылками, и Инко, со странным мужчиной

в ее доме, спящим в постели ее сына, и с собственным сыном в больнице и банковским балансом на его счету, который заставил ее усомниться в собственном

здравомыслии, Оба не смогли выспаться в ту ночь.

<http://tl.rulate.ru/book/53509/3242782>